Вкусна же была черная икра

Далеко не каждому в жизни приходилось употреблять редкий и очень теперь дорогой деликатес под названием «черная икра» столовыми ложками, как небезызвестному персонажу Верещагину из культового фильма «Белое солнце пустыни», а мне, признаться, посчастливилось.

Вот, как это было:

Как-то, однажды осенью 1980 года, мне позвонил мой старый приятель Боря Барулин, с которым мы фактически начинали занятия альпинизмом и совершили не один десяток сложнейших восхождений и горных походов. Боря, как и я, к тому времени уже закрыл мастера спорта СССР, и тоже был инструктором по альпинизму. Он предложил встретиться и обсудить замечательную идею, которая пришла ему в голову. Во время нашей встречи Боря, большой альпинистский энтузиаст и, в хорошем смысле, альпинистский предприниматель, предложил мне выступить на чемпионате СССР по альпинизму за команду инструкторов альплагеря «Шхельда» в качестве капитана команды.

С начальником учебной части альплагеря «Шхельда», который находился в Баксанском ущелье, а, вернее, в ущелье Адылсу Центрального Кавказа, Щепаловой Галиной Николаевной, он уже обо всем договорился, и от меня требовалось только повстречаться с ней и окончательно все утвердить. Предложение для меня, молодого инструктора, да еще и мастера спорта, было очень заманчивым, и я не смог устоять. Уже через несколько дней я во время очередной командировки в Москву по работе (работал я тогда в НИИ «Дальней связи» ведущим инженером, и московские командировки для меня были обычным делом) встретился со Щепаловой в ее московской квартире на ул. 5-й Соколиной Горы. Прошло уже 37 лет с тех пор, а название улицы точно запомнил, наверное, из-за такого романтичного словосочетания: Соколиная Гора. Надо сказать, что в Москве сохранилось достаточно много оригинальных старорусских названий улиц и переулков, например, Спасоналивковский переулок или Лубянка (однако, не будем о грустном), чего в моем родном СПб, к сожалению, не наблюдается (Невский проспект, Большая Морская, Пушкарская улицы и не более того…).

Галина Николаевна жила в маленькой 2-х комнатной хрущевской квартире, заставленной мебелью и книгами. Вообще, надо сказать, что начальник учебной части альпинистского лагеря на тот момент имел недосягаемо высокое положение для альпиниста, даже в высоком звании мастера спорта.

Альплагерей тогда было не так уж и много, наверное, штук 25 во всем СССР в горах Кавказа, Памира, Тянь-Шаня. Кроме того, существовал негласный или даже гласный рейтинг этих лагерей, среди которых а/л Шхельда, безусловно, входил в первую пятерку самых лучших лагерей. Вот он на старой фотографии с узнаваемым лозунгом «Выше знамя советского спорта».

Поясню поподробнее о системе альпинизма СССР и месте альпинистских лагерей в ней. Советский альпинизм был чрезвычайно хорошо организован, унаследовав это с довоенных времен. Формально это был настоящий вид спорта со всеми необходимыми атрибутами (Федерацией альпинизма СССР, республик, городов, спортивных обществ), соревнованиями различного масштаба: от первенства городов, республик до чемпионата СССР, причем в различных классах.

Соревнования проводились в высотном классе (среди восходителей на вершины не ниже 6700 м), в высотно-техническом классе (тоже на высокие горы, но по технически-сложным маршрутам) и в техническом классе (сложнейшие маршруты высших категорий трудности на вершины любой высоты, но, обычно, не ниже 4000м.). Соревнования проводились заочно. Это означало, что команды заранее, не позднее, чем за 3 месяца до начала сезона, направляли свои заявки на участие в соревнованиях с указанием объекта восхождения (какая вершина, в каком районе, какая сложность, какой маршрут), сроков восхождения, состава команды, вместе с запасными участниками. Причем требования к участникам были весьма строгие: в команде должен быть тренер, капитан команды, участники. Также, должно быть не менее какого-то количества мастеров спорта, кандидатов в мастера спорта, альпинистов 1-го разряда. Команда, получив одобрение организаторов, выезжала к месту восхождения, регистрировалась в спасательной службе соответствующего района, получала радиопозывные и выходила на маршрут. После завершения соревнований, капитан команды рапортовал о завершении маршрута в спасательную службу, а также о результатах восхождения организаторам соревнований. Осенью, не позднее 30 сентября в адрес организаторов соревнований направлялись отчеты о восхождениях с указанием карт, схем прохождения, фотографий, и спустя какое-то время подводились итоги и объявлялись победители и аутсайдеры. В результате победителям вручались медали установленного образца такие же, как, предположим, победителям Чемпионата СССР по футболу.

Альпинистские лагеря содержались на средства ВЦСПС (всесоюзный центральный совет профсоюзов) и самые передовые из них, к которым относился и а/л «Шхельда», представляли из себя вполне комфортабельные городки из деревянных домиков (а, иногда, и каменных, как в Шхельде) и стационарных палаток с кроватями с постельным бельем и прочими атрибутами скромной, но вполне комфортной жизни (не хуже армейских казарм). В альплагере обязательно была столовая, в которой питались участники и инструктора, иногда в 2 смены, по причине недостаточного числа «посадочных мест». Причем, обычно, инструктора, подобно офицерам в армии, сидели за отдельным столом или даже в отдельном помещении.

Во время восхождений и практических учебных занятий (занятия на скальном, ледовом или снежном рельефе) участники с инструкторами получали продукты сухим пайком на продовольственном складе по заявкам, предварительно составленными участниками отделений.

Участники альплагерей приезжали по путевкам, как в дом отдыха или санаторий на одну смену продолжительностью 20 дней. Эти путевки они покупали через федерации городов и спортивных обществ с большой профсоюзной скидкой по цене, по-моему, 28 руб за путевку (стипендия студента тогда составляла от 30 до 50 руб/месяц, в зависимости от ВУЗа, зарплата инженера – около 110 руб). Причем, конкурс на эти путевки был не маленький. Например, у нас в ЛИАПе путевку получали (вернее, покупали) только те, кто имел соответствующий уровень подготовки и сдал необходимые спортивные нормативы. Альплагеря работали ежегодно в 5 смен с 10 июня по 20 сентября. Участники, в зависимости от альпинистской квалификации распределялись по отделениям из 6 – 8 человек. Во главе каждого отделения назначался инструктор альпинизма. Из 3 – 5 отделений составлялся отряд альпинистов под руководством инструктора более высокой квалификации (инструктора делились на 3 категории: от 3-й до 1-й самой высокой). Таким образом, в лагере самым многочисленным был отряд новичков - тех участников, которые впервые попали в горы, затем отряд так называемых значкистов – альпинистов 2-го года обучения (каждый новичок в случае успешно завершенной смены удостаивался зна ка и звания «Альпинист СССР») и так далее, вплоть до спортсменов 1-го и выше разрядов. Формально главным руководителем был начальник лагеря (как правило, из местных партийно-хозяйственных руководителей, причем часто никакого отношения не имевший к альпинизму), но фактически, главным лицом в лагере был начальник учебной части, или, как все его называли - начуч.

И вот я, инструктор 3-й категории, приехал в гости домой аж к самой Щепаловой, начучу «Шхельды» договариваться об участии в Чемпионате СССР в качестве капитана команды инструкторов. Я слегка волновался, но разговор получился простым и деловым. Мы почти сразу друг другу понравились и достаточно быстро обо всем договорились.
Дальше началась подготовка к этому важному предприятию.

Я, как альпинист, пользовался неплохим авторитетом среди себе подобных в Ленинграде, особенно учитывая, что я в течение нескольких лет был членом сборной Ленинградского «Буревестника» - одной из самых сильных и известных в СССР команд.

Поэтому мне удалось довольно быстро подобрать сильную команду в составе:

•Миши Петрова, мастера спорта по альпинизму, титулованного скалолаза, замечательного парня невероятной силы, о котором слагали легенды, члена секции альпинизма Политехнического института – одной из самых лучших секций ленинградского Буревестника;

•Жени Лобачева, по-моему, дважды мастера спорта по альпинизму и скалолазанию, скромного интеллектуала физика из ЛИЯФ (Ленинградский институт ядерной физики, что в Гатчине), также члена секции альпинизма Политеха;

• Артура Пайкова – кмс по альпинизму, очень сильного и выносливого альпиниста, настоящего геолога, естественно, члена альпсекции Горного института, тоже одной из самых лучших в Ленинграде;

- Коли Кузнецова – кмс по альпинизму, одного из основателей секции альпинизма ЛИАП, моей альма-матер, настоящего романтика, влюбленного в горы, поэта, гитариста, автора стихов и песен, инженера-электронщика, а затем и преподавателя ЛИАП;

• Феликса Рабинова – кмс по альпинизму, самого опытного среди нас инструктора альпинизма, на счету которого было какое-то невероятное количество отработанных смен в альплагерях (несколько десятков), веселого, легкого на подъем, инженера- электронщика, работавшего в каком-то советском ящике (так, тогда называли НИИ военно-промышленного комплекса, которых в Ленинграде были десятки, если не сотни).

Начиная с октября - ноября, мы, подобно героям фильма «Вертикаль», собирались на квартире у Коли Кузнецова и тщательно планировали наше восхождение.

В качестве объекта восхождения мы выбрали одну из самых красивых и известных на Кавказе вершин – в. Ушба.
Эта вершина, подобно Матергорну в Альпах, является настоящей культовой вершиной - одной из самых известных и престижных для альпинистов. Она, действительно, очень красива и привлекательна, хотя, внешне напоминает 2 горба верблюда с седловиной между ними. Причем, южный ее горб особенно неприступен и обрывается на юг отвесными и протяженными скальными стенами. Естественно, мы решили взойти на Южную вершину по новому маршруту, по ледово-скальной стене, между маршрутами Льва Мышляева 1960 г. и Григоренко-Пригоды 1972 г., оба высшей 6-й категории трудности. В качестве запасного варианта, как раз, и предложили этот очень сложный маршрут Григоренко-Пригоды по Ю-З ребру - один из самых красивых и технически трудных путей на Ю.Ушбу.

Также, следует отметить, что Чемпионат СССР в техническом классе проводился тогда очно, т.е. судьи непосредственно присутствовали у подножия заявленных маршрутов, и всеми доступными способами (бинокли, рации и т.д.) контролировали ход выступлений участников соревнований. Конечно, горы – это не стадион, и всего увидеть невозможно, но участники все же ощущали на себе повышенное внимание посторонних.

Наконец, подготовка была завершена, мы всей командой прибыли на первую смену (10 июня). Я даже был удостоен чести, как капитан команды инструкторов, заявленной на Чемпионат СССР, участвовать в торжественном подъеме флага альплагеря «Шхельда», под аплодисменты руководства лагеря, инструкторов и спортсменов, включая многочисленных испуганных новичков, которые вообще слабо понимали, что с ними происходит, и куда они попали, и кто эти важные ВИП персоны, поднимающие флаг.
Затем мы совершили тренировочные восхождения, включая маршрут 5А к.т. - траверс Шхельды под руководством Миши Петрова (как многие догадались, лагерь был назван в честь этой замечательной по красоте вершины под названием «Шхельда», что по-балкарски значит брусника). Также, хочу заметить, что в альпинистском фольклоре почему-то отхожее место тоже называется этим словом – Шхельда (даже не знаю почему)...

В процессе этого восхождения, мы сделали заброску (спрятали в скалах неподалеку от начала маршрута на Ю.Ушбу часть продуктов и снаряжения).
Самый опытный из нас инструктор Фэл Рабинов (Феликса все звали Фэлом), даже решил в заброске оставить свою личную каску, с условием, что каску Артура Пайкова он принесет в штурмовой лагерь под в.Ушба, когда мы выйдем на основное восхождение.

Точно не помню, почему так сложилось, что Фэл должен был принести каску Артура, но договоренность между ними была именно такой. Это обстоятельство было важным, о чем станет понятно позже.

Перехожу к самому главному, ради чего я все это пишу (барабанная дробь….). Оказывается, в те времена для команды инструкторов, участников Чемпионата СССР по альпинизму, руководство лагеря могло обратиться наверх (видимо в ВЦСПС) и выбить фонды на упаковку черной икры. Многие, еще, наверное, помнят, что настоящая черная икра расфасовывалась в больших цилиндрических красивых жестяных банках сине-серебряного цвета в количестве 1990 грамм (грубо говоря, 2 кГ настоящей черной икры).

Естественно, руководство, включая Галину Николаевну, вовремя подсуетилось, и банка оказалась на продуктовом складе лагеря.
В процессе подготовки к восхождению, нам сообщили, что мы обладаем такой привилегией получить эту банку, как участники Чемпионата СССР по альпинизму, чем мы , естественно, и воспользовались. Учитывая высокую калорийность продукта (а гастрономическая ценность и цена нами в расчет не принимались), мы составили ежедневный рацион участников команды с учетом этого ценнейшего деликатеса, существенно сэкономив вес ежедневного рациона питания, и тем самым, вес наших рюкзаков.

Приготовления завершены, и мы вышли на подход. Кстати, у альпинистов раньше была традиция провожать на восхождение, и, соответственно, встречать организованным образом, видимо, как у военных, участников наступательных операций (точно этого не знаю). Поэтому, мне запомнилась процедура наших проводов.
Щепалова Галина Васильевна, выстроила личный состав лагеря, который на тот момент там присутствовал, и, я, как капитан команды, торжественно отрапортовал, что мы выходим на восхождение на Ушбу на Чемпионат СССР, а в ответ весь лагерь, под руководством Щепаловой громогласно пожелал нам успеха. Это было очень торжественно и трогательно, ведь, заявленный нами маршрут действительно был очень сложным и интересным, и с большой вероятностью сулил нам золотые медали на Чемпионате СССР.

Подход под Ушбу из ущелья Адылсу – не очень приятная процедура: приходилось спуститься до а/л Баксан и потом по длиннющей и местами очень крутой тропе топать через перевал «Бечо» с тяжеленными рюкзаками. Этот подход был особенно изнурительным для меня, т.к. я почувствовал недомогание, видимо подхватив вирус, и с температурой никак не меньше 38 градусов, с трудом добрел до базового лагеря у подножия Ушбы, никак не подавая вида моим спутникам. Ведь, я – капитан команды, и не должен проявлять слабость.

Помню, тот подход казался мне настолько длинным и мучительным, что я даже отказал своим обыкновенным занятиям во время длительных переходов с тяжелым рюкзаком – мысленно рассуждать на важные философские или иные темы или вспоминать курс лекций по интересному предмету (такое со мной случалось в мои студенческие времена). Ведь, когда ты идешь вверх с заметным грузом (меньше 30 кг на подходах никогда и не было), разговаривать тебе не с кем, да и некогда, поэтому, есть возможность «пообщаться с умным человеком» напрямую. В тот день, у меня было только одно желание – скорее бы все это кончилось.

На следующий день мне стало получше, видимо, сработала известная также из альпинистского фольклора поговорка: лучшее лекарство от всех болезней – тяжелый рюкзак и крутой подъем.

Проведя все необходимые приготовления к восхождению и проверив наличие всего доставленного снаряжения и продуктов, принесенных из лагеря и забранных из заброски, мы с ужасом обнаружили, что не хватает одной каски. Фэл Рабинов забыл принести из лагеря каску Артура Пайкова, тогда как каска Рабинова благополучно красовалась среди многочисленных предметов снаряжения группы.

Срок выхода на маршрут был определен и заявлен судьям, которые также присутствовали неподалеку от наших палаток. Времени на то, чтобы сбегать в лагерь и принести каску, уже не было. Мне как руководителю, кстати, самому младшему по возрасту из всей нашей команды (я был их младше на 5 - 10 лет), пришлось принимать решение как выйти из этой щекотливой ситуации. Фэл говорил, что у него каска есть, тогда как Артур сетовал, что, именно, Фэл, забыв его каску, виноват в ее отсутствии. Мое решение было таким: если до конца текущего дня вам не удастся достать каску (например, попросить у кого-нибудь на время, скажем, у проходящих мимо туристов или альпинистов), то на восхождение на следующий день выходит Пайков в каске Рабинова. Они в течение всего дня с утра и до вечера обошли все возможные места, где могли встретиться альпинисты в касках (горные туристы обычно касок не носили, да и каски были достаточно диковинными предметами, которые в магазинах не продавались), пытались что-то предпринять, но, тщетно, одной каски так и не хватило. Пришлось так и поступить: на восхождение мы пошли впятером. Я так подробно пишу, казалось бы, о мелочах, но, к примеру, Феликс Рабинов после этой ситуации не разговаривал со мной несколько лет, считая, что я поступил несправедливо, не допустив его из-за ерунды на столь желанное восхождение, к которому мы так долго готовились. Тем более, что для него это восхождение было «апогеем» всей его альпинисткой карьеры…

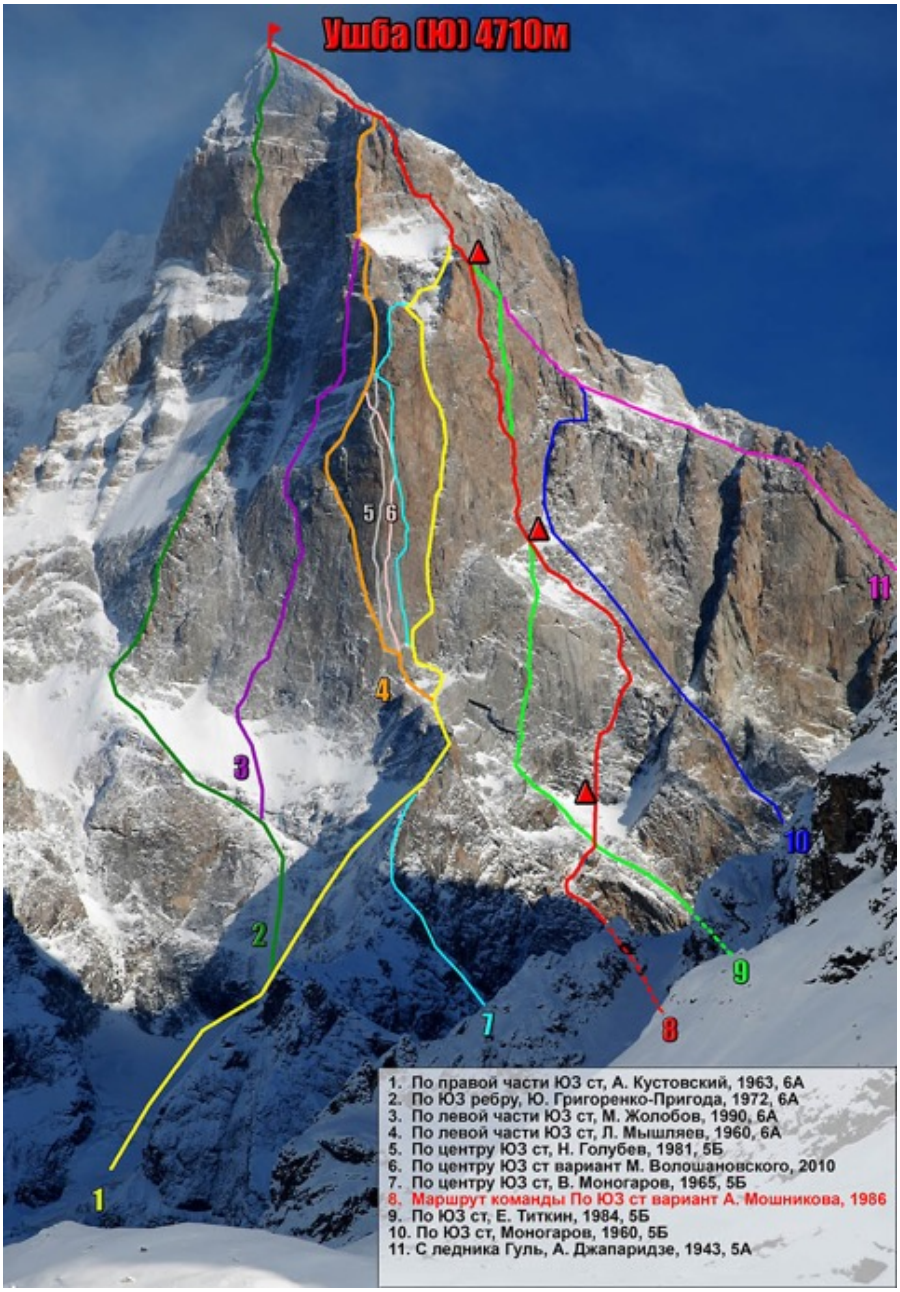
Но, к сожалению, приключения на этом не закончились, произошло еще одно досадное явление. В конце первого рабочего дня, когда мы подошли под крутую часть маршрута, выбрав место для постановки палатки на ночлег, Артур Пайков (видимо, переживая из-за злополучной каски, а может и по рассеянности) случайно уронил свой рюкзак.
Команда с изумлением наблюдала картинное падение этого предмета, который, как в замедленном кино (по крайней мере, мне так казалось), ударяясь о скалы и постепенно раскрывая при этом свое содержимое, упал на пару сотен метров вниз по высоте, при этом тяжелые его части, к которым относилось ледовое снаряжение, похоже угодили в бергшрунд – подгорную трещину, без всяких шансов на их возможное извлечение, даже, если бы мы спустились вниз по веревке. Кроме того, такой «незапланированный спуск» может быть обнаружен судьями в бинокль, что потребует возможных дополнительных объяснений.

Поэтому, несмотря на предложение Пайкова спуститься вниз по веревке и найти потерянное, было принято решение не делать этого.

В результате падения рюкзака, мы лишились ледового снаряжения (ледобуры и крючья для забивания в лед, так называемые, «морковки»), а также кошек, личных вещей и спального мешка самого Артура. Прекрасно понимая, что наш основной план восхождения под угрозой, и виной всему неосторожность Артура, я все же сдержался и не стал говорить вслух всех тех слов, которые я мысленно проговорил про себя. Вообще, альпинисту, помимо множества важных качеств и навыков (отменная общефизическая подготовка, умение лазать по скалам, льду и прочее, умение организовывать страховку с использованием разнообразных технических средств, начиная от веревки, и кончая сложными закладками и т.п.) необходимо быть предельно собранным и аккуратным.
На сложных восхождениях необходимо всегда быть на самостраховке (капроновый репшнур или стропа длиной метра 1,5 -2 с карабином на конце), закрепленной к точке страховки (крюк, перила, закладка и т.п.). Кроме того, привязанными должны быть все жизненно - необходимые предметы, включая кастрюлю и примус во время приготовления пищи. После сложного восхождения для меня лично всегда было самым приятным – осознание отсутствия заботы о страховке себя и используемых предметов.
После этих потерь мне, как руководителю опять пришлось принимать решение, что и как делать дальше.
С одной стороны: заявленный нами маршрут представлял из себя крутую скально-ледовую стену, которую пройти без ледового снаряжения было просто невозможно. С другой стороны: сообщать в лагерь и подставляться, что мы такие долбаки, что в первый же день уронили рюкзак и лишились возможности следовать по выбранному маршруту, тоже не хотелось.
Поэтому, я, посоветовавшись с ребятами, принял такое решение – идти по запасному маршруту , сославшись не на истинную причину, а на возможное ухудшение погоды, о чем действительно свидетельствовали перистые облака на небе (их еще называют цирусами), которые, и правда, являются верными предвестниками резкого ухудшения погоды. Если помните, в знаменитом и, по сути, единственном отечественном фильме про альпинизм «Вертикаль», именно, изменение погоды и явилось причиной аварии при восхождении. Поэтому, такой довод был похож на правдоподобный, тем более, что Ушба всегда «славилась» своими «погодными капризами» (перемены погоды происходили в считанные часы и во время ясного погожего дня могла вдруг возникнуть, например, «непрошенная» гроза, представляющая смертельную опасность для восходителей). Также, иногда приходилось включать и более примитивные приемы: например, во время радиосвязи оператор, в качестве которого был капитан команды, т.е. я, вдруг говорил о потере связи, и связь прекращал со словами: «Вас не слышу, у нас все в порядке, связь кончаю, СК…».

На фото, найденном в интернете, обозначены все маршруты на Южную Ушбу, включая маршрут Григоренко-Пригоды N2, по которому мы восходили и маршрут N3, который был нами заявлен как основной. Десятью годами позже его прошла группа М. Жолобова.

Команда у нас была очень сильной, поэтому особых проблем маршрут по Ю-З ребру высшей, 6 к.т. у нас не вызвал. Протяженную и крутую скальную стену мы преодолели достаточно уверенно и быстро. Впереди слаженно и профессионально работала связка политехов : Лобачев – Петров. Остальные участники работали в меру своих возможностей с достаточной скоростью, последним работал Артур Пайков.



Маршрут был сложным и крутым, но место для палатки все же находилось на полке, поэтому ночевки были вполне комфортными (лучше, чем в гамаке, или сидя , как, например, при восхождении на в.Кирпич на западном Кавказе в районе Узункола). На бивуаке мы размещались впятером в палатке – памирке (так называлась стандартная альпинисткая палатка – серебрянка, изготовленная из перкаля – специальная прочной ткани, которая использовалась в авиации при изготовлении самолетов – «кукурузников»). Было тесновато, но терпимо.

Кстати, во время ночевки впятером уместиться в палатке можно было только на боку, поэтому поворачиваться на другой бок приходилось по команде.

Приятной и неожиданной особенностью ночевок с участием Миши Петрова было то, что он фактически «кашеварил» самостоятельно без привлечения кого бы то ни было, причем делал это с удовольствием. Признаться, я с таким явлением никогда прежде не сталкивался. Обязанности дежурного мало кому нравились, и обычно выполнялись по принуждению.

Обычно по утрам перед восхождением варился поридж (овсяная каша) и чай, а вечером после трудового дня: суп, каша и чай. Воду «добывали» из снега и льда, которые, как правило, были доступны рядом с местом ночевки.

Учитывая, что к нашему счастью в упавшем рюкзаке Артура не оказалось ценного продукта под названием «Черная икра», тут-то нам и представилась, наконец, возможность вечерком закусить икоркой, причем, от души – столовыми ложками с верхом. Никогда не забуду этих угощений. Стоимость каждой такой ложки по ценам сегодняшнего дня превышает 100$. Но тогда мы об этом не думали, а просто получали удовольствие, не понимая, что такое случается не чаще одного раза в жизни.

Далее, все шло по плану: мы достигли вершины, поменяли записку в туре (фактом совершения восхождения были в те времена записки, извлеченные из тура, сложенного из камней на вершине) и благополучно спустились. По моим воспоминаниям вершина Ушбы представляла довольно остроконечную скальную башню, очень красивую и сложенную из монолитных твердых пород. Спуск был не простой, с использованием «дюльфера» (спуск по крутым скальным участкам с использованием закрепленной веревки).

Встреча в лагере была довольно холодной, учитывая, что ничего нам не светило в плане победы на Чемпионате из-за того, что мы прошли по запасному маршруту.
И действительно, на Чемпионате СССР мы заняли всего лишь пятое место, которое никак не могло устроить амбициозное руководство а/л Шхельда.

С тех пор, больше мы никогда не встречались со Щепаловой - она на меня сильно обиделась из-за моей наивности: я ведь действительно считал, что икра была нами получена лишь для использования в качестве особо ценного продукта, существенно экономившего вес рюкзаков на сложнейшем восхождении….

Знающие люди мне потом сказали, что хотя бы половину икры, а, желательно, всю банку, надо было отдать Руководству лагеря и Галине Николаевне, в частности...

Конечно, восхождение на одну из самых красивых и престижных вершин Кавказа и не только, да еще и по одному из сложнейших маршрутов по южной стене доставило нам удовлетворение, но мы рассчитывали на бОльшое. В моей альпинисткой карьере было не менее 5 восхождений, существенно более сложных и опасных.

На обратном пути, уже после спуска с Ушбы, Артур Пайков прогулялся под Ушбинскую стену в несбыточной мечте найти свой упущенный рюкзак, в котором у него улетел ценный спальник. Никто не верил в успех мероприятия: рюкзак пролетел сотни метров, но Артур спальник таки нашел и вернулся с триумфом. Спальник он изготовил собственноручно и очень им дорожил.

Вот такая история приключилась со мной почти сорок лет тому назад. Многие детали того восхождения уже как-то померкли и забылись, но волшебный вкус черной икры, которую мы употребляли столовыми ложками, прочно врезался в память.

Мораль этой истории проста и поучительна - если хочешь ладить с начальством, как говаривал мудрый товарищ Лившиц (министр финансов во времена позднего Ельцина) – делиться надо…

М.В.Хитров Август 2018